

Владимир Попов-Равич

КОГДА НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ

Владимир Попов-Равич

**Когда нечаянно
нагрывает. Рассказы о
разновозрастной любви**

«Автор»

2024

Попов-Равич В. С.

Когда нечаянно нагрянет. Рассказы о разновозрастной любви /
В. С. Попов-Равич — «Автор», 2024

О любви, вроде бы все известно, и... ничего не известно. Потому как это чувство не поддается ни логике и холодному разуму, ни интуиции и слепому преклонению. Лирические чувства между мужчиной и женщиной всегда индивидуальны и зависимы от возраста. Совсем разные влечения (у мальчиков-девочек, юношей-девушек, мужчин и женщин) возникают в целомудренном отрочестве, романтической юности, на взрослых этапах жизни. О разных историях любви от 14 до 70+ автор - член Союза писателей СССР Владимир Попов (литературное имя Владимир Попов-Равич) написал эту книгу для любознательных читателей разных поколений.

© Попов-Равич В. С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ПАРА СЛОВ ОТ АВТОРА (вместо пролога)	5
Глава 1. НЕВИННОСТЬ	6
1.1 АЛЛЕЯ КОСМОНАВТОВ	6
1.2 ЗЕМНАЯ РУСАЛКА	12
1.3 СОЛИСТКА И ГИТАРИСТ	20
Глава 2. ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД	29
2.1 ПОДАРОК НА 18 ЛЕТ	29
2.2 ЦВЕЛА СИРЕНЬ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Попов-Равич

Когда нечаянно нагрянет.

Рассказы о разновозрастной любви

ПАРА СЛОВ ОТ АВТОРА (вместо пролога)

Тема любви в литературе всех времен и народов – одна из... Да что там – самая главная! Почти век назад советский поэт Василий Лебедев-Кумач написал бессмертную строку: «Любовь нечаянно нагрянет...». Гениальный Исаак Дунаевский сочинил на его слова сердечную песню, конгениально исполненную легендарным Леонидом Утесовым. Песню повторяют добрую сотню лет профессионалы и любители с концертных сцен и в разных компаниях. Полвека примерно не столь гениальной, но тоже известной песне: «О любви не говори, о ней все сказано...». Её покоряюще исполняла и эпохальная певица Клавдия Шульженко, и другие талантливые вокалистки. Не убедили! О любви продолжали и продолжают говорить и петь, как век назад, так и сегодня.

Автор древнего индийского трактата о любви – нетленной Камасутры – дал, казалось бы, исчерпывающую формулу главного человеческого чувства на века. Примерно следующую: любовь между мужчиной и женщиной возникает и зиждется на трех главных влечениях – разумов, сердец и грешных тел. Так было, есть и будет всегда.

Да вот незадача: полная, да еще и взаимная гармония трех главных влечений в реальной жизни – штука весьма редкая, можно сказать, штучная. Очень различны характеры, интеллекты, эмоции и сексуальные темпераменты у мужчины и женщин. Полная гармония у пар случается, практически, в виде исключений. А миллионам традиционных дуэтов (прочие не входят в сферу интересов автора), как правило, не хватает совпадения одного, а часто и двух влечений из названных трех. Отсюда, как не крути, начинаются и набирают обороты ссорки-раздорки, вырастающие в конфликты, скандалы, проблемы и нешуточные выяснения отношений у множества женатых или «гражданских» пар в разных городах и всяях. И бесчисленные истории о главном чувстве – долгом, как детство или коротком, как молния – век за веком продолжают писать поэты, драматурги и прозаики, а в последние два века снимаются фильмы и сериалы. Процесс неостановим и бесконечен. Его неиссякаемость созвучна, пожалуй, изречению древнего мудреца, заметившего на тысячелетия: «Я знаю, что ничего не знаю».

В почтенном возрасте, вспоминая личные перипетии, анализируя опыт родных, друзей и прочую жизненную мозаику, понимаешь: основные любовные влечения в отрочестве, юности-молодости и на разных этапах взрослости – весьма различны. Да и внутри любой конкретной пары взаимные чувства обычно сильно меняются с годами в долгом процессе отношений. Еще и поэтому историй любви – юной или взрослой – бесконечно много. Было, есть и будет.

В художественных произведениях, повествующих о многообразии и нюансах трех любовных влечений, всегда сочетаются жизненные реалии и игра воображения того или иного автора. Так сочинялись нетленные романы, повести и рассказы классиков. Так пытаются постигать непостижимое и грешные, современные авторы. Свой подход к вечной теме автор предлагает читателю в разновозрастном стержне: истории любви каждого дуэта выстроены по возрастным этапам жизни персонажей.

При этом для читателя, думаю, не так уж важна творческая кухня сочинителя, было бы интересно следить за сюжетом, за перехлестом судеб мужчин и женщин того или иного возраста. Погружайтесь, вспоминайте, сопереживайте дорогие читатели! Восхищаясь и поражаясь бесконечной палитре «сиреневых» красок главного человеческого чувства.

Глава 1. НЕВИННОСТЬ

1.1 АЛЛЕЯ КОСМОНАВТОВ

До конца шестого класса оставалась одна неделя. Последние майские деньки начинались с утренней прохлады, а к обеду добирались почти до летней жары. Прогретый воздух наполнялся пьянящим запахом буйно цветущей черемухи. Слепящий, желтый диск с каждым днем забирался все выше в бездонную, прозрачную синеву забайкальского неба. Оживающая земля весело отзывалась на щедрое, солнечное тепло зелеными коврами молодой травки.

Разморенные послеобеденным зноем редкие прохожие на улицах Борщевска удивленными взглядами провожали бегущего долговязого подростка в школьной форме. А Виталька не замечал ни жары, ни дурманящего аромата черемухи, ни удивленной реакции земляков на его неурочный, персональный кросс. Не думал без пяти минут семиклассник и о неудобном способе своей спонтанной пробежки: в правой руке мальчишка держал портфель, левой крепко зажимал карман пиджака с драгоценной запиской. В ней было всего семь слов, стучавших метрономом в голове бегуна.

«Я тебя люблю, – печатали подошвы по деревянному тротуару, а местами по асфальту. На три слова приходился вдох. Следующие четыре отстукивались на выдохе, – ты никому не говори...».

Вдох-выдох, вдох-выдох. «Я тебя люблю... ты никому не говори... Я тебя люблю... ты никому не говори... Я тебя люблю... ты никому не говори...».

Выскочив из школы, Виталька не задумывался о маршруте. Ноги сами понесли бегуна к Городскому саду. Там днем никого не бывает. А ему сейчас никто и не нужен. Только огромным портретам, стоящим на Аллее космонавтов, он сможет открыть свою великую тайну, поделиться внутренним ликованием, переполняющим душу после прочтения полученной на последнем уроке записки.

В день, когда могучая ракета унесла в космос Юрия Гагарина, в тот исторический, весенний денек – 12 апреля 1961 года – Виталий Грибов выразить своего отношения к эпохальному событию никак не мог. Он тогда еще не родился. Появился на свет Виталька гораздо позже, когда космонавтов набралось уже порядочно, всех и не упомнишь. Но первый десяток первоходцев многие юные жители Борщевска знали твердо. На Аллею космонавтов в горсад первоклассников водили на экскурсии. А еще лет с пяти до десяти Виталька любил гулять в саду по воскресеньям с отцом.

В детстве Городской сад казался огромной, таинственной страной с массой заманчивых развлечений и маршрутов. Накатавшись на каруселях, Виталька подбегал к скамейке, где отец читал газеты «Борщевский рабочий» и «Забайкальский рабочий», крепко хватал старшего Грибова за огромную, сильную руку и тащил к мороженщице. Экономно откусывая вафельный стаканчик, Виталька потом вел отца в центр сада – проверить: не работает ли сегодня фонтан. Так весело смотреть на зеленые кроны акаций и тополей сквозь сверкающие на солнце бриллиантовые капли, падающие с десятиметровой высоты. Потом они заглядывали в тихую комнату для чтения и настольных игр на партию шашек или шахмат. И снова шли по аллеям до ручья, пересекающего сад на две части. Быстро тающий снег на вершинах и склонах сопки и скал, окружающих Борщевск полукольцом с северо-запада, придавали в мае-июне мелкому ручейку буйный, дикий нрав. В бурлящем потоке стремительно уносились вниз, к далекой реке, брошенные Виталькой щепки. Дивное зрелище!

Но самое любимое место у двух мужчин Грибовых – Аллея космонавтов. Здесь, на кромке широкой аллеи стояли трехметровые портреты первоходцев космоса. Их ровно

десять: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова, Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Павел Беляев, Алексей Леонов. Эту первую десятку Виталька знал наизусть, мог без запинки назвать через секунду после пробуждения. Много раз по просьбе первых учительниц он уже три года участвовал в экскурсиях шустрых первоклашек на аллею космонавтов, где живо излагал притихшим семилеткам подробности полетов и биографий каждого «портрета». Называл лихой гид мелким экскурсантам и автора картин – борщевского живописца, создавшего космическую галерею. Василий Сидорин много лет работал штатным оформителем киноафиш в борщевском Дворце культуры. А для души и заработка писал красочные полотна с загадочными русалками и грациозными лебедями. И до начала космической эры, и после полета Гагарина яркая живопись имела неплохой рыночный успех. Кончались воскресные, базарные дни основательным загулом в широком кругу друзей, из которого Сидорин тяжело выходил весь понедельник и половину вторника, а затем быстро писал очередную красивую киноафишу и с творческим жаром принимался за создание новых, базарных шедевров.

Так летели недели, катились месяцы, шли годы. И вдруг щедрые угощения к великому горю друзей-собутыльников резко прекратились. Улетели в далекие края с воскресных базаров красивые, белые птицы с гордыми длинными шеями, уплыли в туманную даль роскошные, грустные женщины с рыбьими хвостами. Знакомые недоумевали, потенциальные покупатели негодовали, но от всех вопросов Василий Сидорин молча отмахивался. А смертельно разобидевшихся ближайших друзей самодельный художник вообще перестал впускать в свою просторную мастерскую за сценой кинозала, где рисовал еженедельно красочные рекламные киноафиши. Целую зиму, а потом и весну продолжалась эта удивительная метаморфоза.

И вот три года назад, в праздничный день Первомая, на традиционном открытии Городского сада – весь город ахнул. Тысячи борщевцев, от мала до велика, включая десятилетнего тогда Витальку, увидели впервые Аллею космонавтов. В тот год исполнялось двадцать лет со дня гибели Юрия Гагарина, и земляки восхитились – как мощно и талантливо трепетная душа художника Сидорина отозвалась на трагический юбилей Первого космонавта планеты. Допущенные, наконец, в мастерскую старые друзья сразу простили Василию месяцы изгнания и с гордостью понесли в массы новость: мол, городские власти предлагали за портреты «огромное» вознаграждение, но творец напрочь отказался: «Не за деньги работал».

Как-то незаметно у Витальки Грибова вошло в привычку заглядывать на Аллею космонавтов по разным значимым поводам: перед отъездом в пионерлагерь «Саранная», после успешного окончания четверти или прочтения особенно увлекательной книжки. Стоя перед облюбованным в тот день портретом, Виталька мысленно, а иногда и вслух, если близко никого не было, общался с выбранным собеседником. Рассказывал герою с умными, все понимающими глазами о пережитом или предстоящем событии, советовался, мечтал, делился самыми личными откровениями. Пожалуй, это было похоже на походы в церковь и молитвы перед иконами, о чем, правда, пионер Грибов как-то не задумывался. Поделился юный знаток космической эпопеи недавно с Алексеем Леоновым и самой главной своей тайной: сокрушительной влюбленностью в новую ученицу их шестого «Б», черноглазую девочку Тину. Уже четыре месяца он каждый день, постоянно, с утра до вечера думал только о ней, о чем не подозревали ни ближайшие друзья, ни родители, ни сама спортивная шестиклассница. Чемпионка области по спортивной гимнастике!

И вот сегодня произошло событие, после которого Виталька и рванул от дверей школы в сторону городского сада. На последнем уроке его вызвали к доске. Взяв дневник, отличник Грибов бодро поднялся. Неожиданно из дневника выскользнула сложенная пополам бумажка. Виталька машинально нагнулся, сунул бумажку в левый карман и пошел отвечать. Он, конечно, не мог видеть, как напряглась и застыла, увидев полет записки, сидевшая перед ним новенькая Тина. Она пришла в их класс после Нового года, и Виталька влюбился в серьезную, худенькую

девочку с первого взгляда. Как и почему это произошло, он, разумеется, знать не мог. И что делать с новым, острым, всепоглощающим чувством тоже понятия не имел. Да такие вопросы и не вставали перед любознательным отличником. Просто образ этой девочки теперь постоянно жил где-то в сокровенном уголке юной души, и на все, что он делал, о чем размышлял, накладывался отпечаток ее незримого присутствия.

Конечно, и раньше видному мальчугану уже нравились многие девочки. Но это продолжалось недолго, и почти не занимало воображение, а здесь совсем другое дело! Чувства свои Виталька держал в абсолютной тайне даже от ближайших друзей. Зачем? Любые слова не способны передать его состояние. Не смел он ни словом, ни взглядом открыться и Тине. Может быть, когда-нибудь потом, через год или два... сколько там было Ромео и Джульетте? А пока мальчишке, влюбленному от пяток до макушки, вполне хватало сознания, что она есть, что каждый день он может видеть ее черные, с ласковой искоркой глаза, нежный овал лица, чуть влажные губы. Домой из школы им было по пути, но ни разу Виталька не осмелился предложить пойти вместе.

Получив свою обычную, заслуженную пятерку, Виталька вернулся на место и только тогда достал из кармана и под крышкой парты развернул записку. Семь слов, нацарапанных торопливым, девичьим почерком, он схватил мгновенно: «Я тебя люблю, ты никому не говори». А дальше стояли инициалы Т. П., вызвавшие у отличника сильное головокружение. Остаток урока Виталька не воспринимал никаких сигналов внешнего мира, кроме медового, неповторимого запаха пышных черных волос девочки, сидящей впереди. Прозвенел звонок. Схватив сумку, Виталька первым выскочил из класса, скатился со второго этажа, выбежал на улицу и пустился в сумасшедший, индивидуальный кросс, закончившийся через семь минут у ворот городского сада.

По знакомым аллеям длинноногий шестиклассник зашагал уже пешком, успокаивая дыхание после скоростной пробежки. Один поворот, другой, вот и его святая Аллея, сейчас он расскажет Терешковой, а лучше самому Гагарину... О-па-на! Кого это принесло так не вовремя к его любимым собеседникам? И что делают эти пацаны у портрета Феокистова? Виталька миновал Гагарина, Титова и... резко остановился. Он узнал двоих из пятерки копшившихся на Аллее, и, не успев еще толком ничего разглядеть, сразу почувствовал дурной вектор их намерений. Ни на что хорошее эта парочка просто не была способна. Первый пацан, второгодник Бородин, одетый в старенькую куртку с чересчур длинными рукавами, учился с Виталькой в одном классе. Близкие дружки-приятели кликали его Бродом. Учился он кое-как, прогуливал уроки напропалую. Вызванный к доске Брод обычно глухо молчал, в лучшем случае односложно соглашался с учителем, натягивающем ему троечку. Не однажды Виталька видел Бородина в компании изрядно поддатых парней на вечерах старшеклассников, где сам сидел пианистом школьного оркестра.

Еще большая опасность исходила от присутствия на Аллее Михаила Якушкина. В прошлом году вся школа выдохнула с большим облегчением, когда этому семнадцатилетнему, рослому парню вручили свидетельство об окончании восьми классов и отправили в свободное плавание. В седьмом Мишка сидел три года, что ни знаний, ни прилежания ему не прибавило. От безжалостных кулаков переростка в школьных туалетах пострадало много примерных учеников. Получив свидетельство и свободу, Якушкин, однако, не спешил расстаться с прежде ненавистой школой. Нигде не работая в ожидании осеннего призыва в армию, он продолжал гулять по Борщевску и регулярно захаживал в школьные коридоры. С учителями теперь вежливо здоровался, с бывшими одноклассниками всех своих классов вел себя дружелюбно. С комсомолками, впрочем, позволял себе физиологические шуточки, от которых весело смеялся только сам. Любимое развлечение крупного парня со стороны выглядело вполне невинно. Прогуливающейся походкой здоровяк Мишель подходил к стоящей в коридоре у стенки группе девочек или к одинокой старшекласснице. Повернувшись к девушке спиной, прислонился к

симпатичной, длинноногой комсомолке вплотную и двигался дальше. Что делали при этом его большие, шаловливые ручонки, спрятанные между двумя телами, не видел никто. Зато все хорошо слышали, как громко взвизгивала, отчаянно вскрикивала или негромко ойкала – в зависимости от темперамента – очередная избранница непрошенной «ласки». Некоторые боевые девчонки пытались достать нахала кулаком, на что шутник-«гинеколог», увернувшись, лишь жизнерадостно гоготал.

– Эй, Гриб! Чего заторчал? – весело и громко окликнул Бородин. Виталька и не подозревал, что у его бесцветного одноклассника голос может звучать так звучно.

– Топай ближе, Гриб, не съедим, – приветливо пригласил басом Якушкин.

Виталий стоял, не шелохнувшись. Как в замедленной киносъемке он наблюдал за действиями лохматого, рыжего мальчишки в грязных кедах. Мелкий пятиклассник, по имени Валерка, по кличке Валет, которого Виталька хорошо помнил по школьным коридорам, высунув кончик розового языка, старательно царапал что-то осколком стекла на темном костюме Феоктистова. Разные глупые надписи на портретах космонавтов появлялись регулярно. Художник Сидорин каждый раз замазывал их подходящим колером, но автографы или хулиганские словечки неизвестных негодяев возникали, к бурному негодованию посетителей сада, вновь и вновь. Виталька искренне недоумевал: каким же надо быть черствым, тупым подонком, чтобы пачкать портреты первых космонавтов. Лучших людей, если не всей планеты, то уж его великой Родины – точно! И не раз придумывал про себя суровые кары, подходящие для неизвестных мерзавцев. Пачкуны оказались знакомыми...

– Не порти пейзаж, Гриб, – чуть жестче посоветовал Якушкин. – Двигай к нам по-рыхлому или шуруй отсюда.

Вот такой предлагался выбор. Жил, не тужил все свои тринадцать лет Виталий Грибов. Все у него получалось легко и красиво. Дома любили, в школе ценили. Одна за другой ложились в папку почетные грамоты за отличную учебу, примерное поведение, спортивные достижения, активное участие... Все катилось само собой. Шестой класс заканчивался на круглые пятерки, впереди – три счастливых летних месяца, в кармане – семь слов ошарашивающего счастья... И тут предлагается веселенький выбор: подлость или трусость. Принять участие – подлость, уйти – трусость. Третьего не дано...

«К нам или шуруй отсюда». Камарилья ждала ответа. Виталька посмотрел вокруг. В этот знойный, послеобеденный час на аллеях ни души. «Уйти и никто не узнает», – мелькнула удобная мыслишка, Виталька тут же придавил ее, как таракана.

Опустив портфель на газон около Аллеи, он шагнул к враждебной стенке, выстроившейся перед Феоктистовым и Комаровым. Озадаченные его долгим молчанием подмастерья Яка и Брода смотрели на знакомого «ботаника» – выжидающе и напряженно. Слишком долго почему-то Гриб не двигался с места. И плывет в их сторону с какой-то застывшей мордой. Смывался бы, дурак, пока Як разрешал...

Тройка «рядовых» и «лейтенант» Брод переводили взгляды с приближающейся тощей фигуры на «полковника», ожидая команды. Однако главарь не спешил. Растягивая в ухмылке длинные, тонкие губы, Якушкин глядел на гостя неподвижным, немигающим взглядом и почему-то молчал. Виталька поравнялся со стенкой, прошел сквозь нее между Бородиным и рыжим писарем со стеклышком в руках, остановился, почти упершись в портрет Феоктистова, погладил рукой свежие царапины, повернулся на негнущихся ногах.

Ослепительно сияло из глубины бездонного неба горячее, забайкальское солнце. Густой, пьянящий аромат цветущей черемухи и зеленеющих акаций вдруг ударил в голову, затуманил сознание, придал происходящему призрачный, ирреальный характер. Виталька почувствовал, что в следующее мгновение мир вполне может исчезнуть. Он терял сознание и раньше. Пару лет назад на катке какой-то верзила на длинных, беговых коньках сбил его – совсем тогда мелкого четвероклассника – и полетел дальше. А Виталька вдруг перестал слышать музыку,

смех, скрежет разрезаемого льда... Очнулся уже в раздевалке, куда верзила, остановившись через круг, принес его на руках... Как противно и сейчас закружилась голова... Только бы не упасть. Стоять!.. Ноги чуть шире... вот так.

– Что скажешь, Гриб? – нарушил молчание Бородин. Но ответил Виталька не ему.

– Ты знаешь ... кого ... царапал? – обратился незванный гость к рыжему Валерке. Слова давались с трудом, но, делая вдох и выдох после каждого, он справился.

– Кто царапал?.. чо знаешь-то... тебе-то чо... пошел ты! – сначала растерянно, потом зло застрочил «рядовой», бегая глазками с Витальки на Яка. «Полковник» не реагировал.

– Это же Феоктистов! Константин Феоктистов, космонавт и ученый! – натянутой струной зазвенел Виталька. – Он пацаном на войну убежал, таким, как ты, Валет, воевал с фашистами. Немцы его схватили вместе со взрослыми бойцами, заставили копать траншею, поставили всех на краю и расстреляли. Только Костя живым остался, раньше выстрела в яму прыгнул. Или кто-то из наших его успел столкнуть за секунду до пули. Ночью Костя выбрался из братской могилы и к партизанам добрался. После войны выучился, ученым стал, в конструкторском бюро самого Королева работал, и Сергей Павлович направил его в космонавты. Главный конструктор и врачей посылал, и ученых, чтобы лучше полеты готовить.

Рыжему Валерке стало явно не по себе, и он растерянно хлопал густыми ресницами. Живинка интереса смягчила выражение Якушкина. У Витальки малость отлегло внутри, но тут опять встрял Бородин.

– Ты нам мозги не пудри, Гриб. Настоящие космонавты в Москве живут, их никто не трогает. А это просто мазня Васьки Сидора.

Он подошел и что-то зашептал на ухо Яку. Главарь чуть помедлил, потом веско произнес:

– Годится, Брод. Сейчас поглядим, Гриб, какой ты защитничек. Проверим на вшивость. Валет, дай ему стекло.

Рыжий писаришка с послушностью робота шагнул к Витальке, протянул острый осколок, но его кулачок повис в воздухе.

– Картину гонишь, гнида!

Подскочивший Бородин ударил Витальку по лицу, но не сильно, больше для остротки. Затем Брод забрал у Валета осколок и со злым шипением: «Держи лучше, ботаник!» – насильно вложи острое стеклышко в ладонь ненавистного одноклассника и крепко сжал её в кулак двумя своими жилистыми, сильными лапами. Алая капелька выкатилась из сцепленных рук и упала на желтый песок Аллеи. Одна, другая... Виталька не чувствовал боли. Бородин цепко взял «ботаника» за локоть, повел вдоль портретов.

– Выбирай любого, если Феоктиста жалко.

С жадностью акул, почуявших кровь, кодла двигалась сзади полукольцом.

– Этот годится? – остановился Брод перед Быковским. – Пиши быстро: «Гриб». Даю минуту, время пошло. Не успеешь – красными соплями умоешься.

Затея «лейтенанта» пришлась «рядовым» по душе. Сейчас этот отличничек забудет все свои принципы. Сникший Валет приободрился, одобрительно загалдели и другие.

– Давай по-рыхлому!.

– Царапай, Гриб!

– Видали мы таких!

– Отпусти его, Брод, – вдруг негромко скомандовал Якушкин.

Услышав главаря, компания застыла в ожидании следующего приказа.

– Не тяни, пианист, – миролюбиво продолжил атаман. – Четыре буквы и свободен.

Виталька поднял голову. Увидел родное, бездонное сине-голубое небо. Услышал, как шелестит молодыми листочками слабый ветерок. Совсем близко у его ног на свежую травку уселся и весело застрекотал беззаботный кузнечик. Виталька втянул воздух и уловил медовый запах разнотравья, который накрыл его с головой всего час назад в классе. И опять застучали

в висках семь слов девичьего признания. Первого в его жизни. Конечно, эта кодла может его избить, даже убить, но ни Якушкин, ни Бородин, ни примитивный Валет никогда не дождутся таких слов от девочки, подобной его Тине.

Бородин зорко сторожил каждый жест Гриба. Виталька посмотрел врагу прямо в глаза, потом перевел взгляд на Якушкина и, резко размахнувшись, метнул осколок стекла в голубое небо.

– Ты это брось, Гриб! – рявкнул «лейтенант». – Еще в морду хочешь? Валет, найди стекло.

Рыжий писарь с готовностью рванул на газон.

– Не надо! – остановил его жесткий окрик «полковника».

Кодла недоумевающе воззрилась на главаря.

– Он все равно не будет писать, – продолжил Якушкин задумчиво. – Не будешь, ведь, Гриб?

– Не буду, – покачал головой Виталька.

– Куда он денется! – встрял, было, Брод и осекся, взглянув на лицо главаря.

– Так выбрался, говоришь, Костя Феоктистов из братской могилы. Нормальный пацан! – вдруг вполне по-человечески улыбнулся рослый допризывник и дружелюбно хлопнул Витальку по плечу. И непонятно было, к кому относились его слова. То ли к боевому мальчишке, избежавшему расстрела и ставшему героем-космонавтом из первой десятки. То ли к Витальке Грибову, рассказавшему о геройском ровеснике на Аллее космонавтов непутевым пацанам забайкальского городка Борцевска.

– Пошли, – скомандовал Як и зашагал в сторону ворот из сада. Компания гуськом потянулась следом. Бородин помедлил, показал Витальке внушительный кулак: «Еще встретимся!» и поспешил за своими.

Никого не осталось в цветущем, весеннем саду в послеобеденный час последнего в том году майского четверга. Только длинноногий мальчишка в школьной форме стоял на Аллее космонавтов, смотрел на знакомые с детства лица. Потом достал из кармана брюк чистый носовой платок и, помогая зубами, перевязал левой рукой, правую ладонь, из которой сочилась кровь. Кажется, серьезный Феоктистов в этот момент ему ласково улыбнулся, а озорной Леонов весело подмигнул. Или просто показалось?

1.2 ЗЕМНАЯ РУСАЛКА

Ах, какая девушка! Какая ладная, грациозная фигурка четко виднелась под светло-розовым, прозрачным сарафанчиком, совсем не скрывающим узкую талию, переходящую плавными изгибами в русалочьи бедра. От подводной дивы она выгодно отличалась стройными, бодро шагающими по земле ножками – левой-правой, левой-правой! Тогда как безнадежно-цельный, русалочий хвост способен управлять движением хозяйки лишь в водной стихии. Словом, девушка была потрясающе сложена. Или даже – безупречно! Но такие высокие, абстрактные и малочувственные эпитеты вряд ли приходили в головы трем четырнадцатилетним мушкетерам, шагавшим за стройной прелестницей, как раз в сторону водной стихии.

Реагировали борщевские мальчишки на привлекательный объект внимания очень поразному. Больше всех возбудился Гарик, черноволосый, худощавый паренек, с уже явно выраженной полоской темных усиков над верхней губой. Лидер, заводила и герой школьных театральных подмостков. Главный мушкетер! Весной прошлого года их класс потряс битком набитый актовый зал на общешкольном смотре художественной самодеятельности. Под руководством строгого учителя физики Михаила Ивановича Фофанова, влюбленно го в театр, шестиклассники подготовили и показали спектакль по «Трем мушкетерам» Александра Дюма. Не случайно режиссер назначил на роль лучшего драчуна Франции и дальних окрестностей Парижа, включая Англию и Россию, именно Гарика Потапкина. Его неукротимая жажда лидерства, крепкая спортивная фигура, природное мужское обаяние, сводившее с ума доверчивых ровесниц, плюс изрядная доля рискованного авантюризма – однозначно выводили Гарика на первое место в кастинге претендентов на роль д, Артаньяна. Впрочем, никакого отбора-конкурса суровый физик не проводил. После первой читки собственной инсценировки Михаил Иванович без малейших колебаний назначил Гарика предводителем мушкетеров. Крупный, флегматичный Никита Васькин отлично смотрелся в роли здоровяка Портоса. Лучший друг Гарика – интеллектуал и книголюб Виталька Грибов – не подкачал, изображая аристократа Атоса. Бурные аплодисменты вызвало появление в двухминутном эпизоде Капитана Мушкетеров – десятиклассника Юрки Тимурова. Но триумфальный успех, в виде долгих, бешеных оваций и страстных, девичьих визгов после занавеса, делил с ним, безусловно, Гарик Потапкин.

В школе за юным триумфатором надолго закрепилась кличка Главный Мушкетер. Весь седьмой класс девочки из их параллели, плюс продвинутые шестиклассницы на переменах постоянно фланировали мимо Гарика. Частенько шуточно-ласковыми обращениями одаряли и старшеклассницы. Вскоре Главный Мушкетер привык к славе, зазвездил по-взрослому, и стал воспринимать женское внимание с внешней небрежностью. Научился, ничем не выказывая бурный внутренний кайф, наблюдать, как его пристальный взгляд приводит в смятение впечатлительные девичьи души и отзывчивые сердца. Донжуанский взгляд у Гарика возник не вдруг. Напускать на свои красивые, светло-зеленые глаза легкую поволоку, действующую на девушек магнетически, он долго тренировался перед зеркалом. А начальный мастер-класс после триумфальной премьеры Гарик дал лично Юрка Тимуров – Капитан мушкетеров и первый плейбой их школы последних двух лет. Когда на днях в актовом зале вручали аттестаты зрелости, Юрке аплодировали в десять раз громче и дольше, чем любому другому выпускнику.

С утра, в начале пути на озёра-разрезы романтической поволоки во взгляде друга Виталька, естественно, не увидел. Но засек, как глаза Главного Мушкетера загорелись бенгальским огнем охотничьего азарта при виде изящной фигурки в коротеньком розовом сарафанчике, возникшей на их маршруте после большого бугра. И тут же, повинувшись мощному эротическому импульсу, Гарик резко ускорил шаг, отрываясь от друзей. Незнакомка шла легкой, раскованной походочкой, покачивая рельефными бедрами, а, заметив преследователя быстрым полуборотом грациозной головки, никак не отреагировала на стремительное приближение соиска-

теля ее внимания. Будто и не слыша в гулкой тишине жаркого забайкальского денька громкого шуршания гравия и гальки под твердыми, кожаными сандалиями Гарика. Приближаясь к цели, достойный ученик Капитана мушкетеров мгновенно нарисовал в своей бесшабашной голове прекрасный сценарий предстоящего знакомства.

«Итак, не доходя пару метров, он окликает: «Крошка, привет!», незнакомка останавливается и поворачивается на его приветливый зов. В ее взгляде кокетливыми искорками вспыхивает горячий интерес к его персоне. Скорее всего, Розовая Русалка, кем бы она ни была в их маленьком городке, неминуемо наслышана о Главном Мушкетере и воспримет его неожиданное появление – однозначно! – как приятный подарок судьбы. Главное не торопиться! Он медленно сделает к ней шаг, другой... На ее красивом личике возникнет нетерпеливое ожидание и полная готовность к увлекательному флирту. Он сделает взгляд, от которого девчонки тащатся и теряют всякую скромность... Вот, сама девушка шагнет навстречу. Теперь... сразу обнять и поцеловать? Да, только так! Женщинам нельзя давать ни секунды на раздумья. Юрка Тимур так бы и сделал...»

Увы, мысленный сюжет и реальность не имели ничего общего. Ни шага навстречу, ни тем более объятий не произошло. В ее головке, видимо, крутилась своя кинолента, и два параллельных фильма не совпали ни в одном кадре. По своему сценарию девушка на секунду опередила его оклик, обернулась, скользнула по преследователю холодным, безразличным взглядом, равнодушно отвернулась и поплыла своей кошачьей, мягкой походкой дальше...

Нокаут! Гарик остолбенел. К таким ударам от симпатичных, быстроглазых сверстниц начинающий дон Жуан совсем не привык. Ни одна девчонка их школы, да и всего Борщевска не выказывала такой унижительного пренебрежения к Главному Мушкетеру за целый год. Но что делать?.. Гарика ничего не оставалось, как расслабиться и отменить свой охотничий сценарий, поджидая друзей.

Солидный Портос-Никита и задумчивый Атос-Виталька шаг за красоткой не ускорили, подошли к Гарика в спокойном, размеренном темпе, подходящем для усиливающейся с каждой минутой. Проигнорированный д, Артаньян вполне пришел в себя и делал вид, что все нормально. Он, мол, всего лишь хотел взглянуть на незнакомку поближе, увидеть лицо... Увидел. Оценил. Но пока не стал заводить разговор, чтобы не отрываться от друзей, а всецело принадлежать сплоченному, мушкетерскому братству.

– Ка-а-кой персик! Ты бы видел, Вит, – с энтузиазмом провозгласил темпераментный ценитель женской красоты в адрес удаляющейся Русалки. С недавних пор, подражая Юрке Тимурову, семиклассник Гарик Потапкин принял на вооружение «фруктовое» наименование ко всем симпатичным девчонкам.

Виталька с Гариком учились в одном классе, начиная с первого. Сначала не очень дружили, а где-то пару лет назад загадочно сблизились, именуя друг друга Вит и Гар. Бывали чуть не ежедневно друг у друга в гостях. Постоянным предметом их бесед был живой калейдоскоп стремительно меняющихся увлечений Гарика. За последний год азартного внимания Главного Мушкетера хватило на огромный потенциальный «гарем» прелестниц от 13 до 17 лет. В корзину «персиков» входили поклонницы из родной школы и миловидные фрукты из других учебных заведений, включая педагогическое и медицинское училища города. Многие студентки меда и педа, учившиеся раньше в их школе, присутствовали в зале на эпохальном спектакле, внимание стремительно взрослеющего Гарика принимали благосклонно. Пару месяцев назад Гарик побывал в практически женских училищах на шикарных танцевальных вечерах вместе с Юркой Тимуром, где его наперегонки приглашали на «белый» танец заводные студентки.

Неделю назад Гар поделился с Витом главным пунктом своей ближайшей, жизненной программы – обязательно потерять невинность этим летом. В начале апреля ему исполнилось четырнадцать. Пора, черт возьми, стать мужчиной! Симпатичных и спелых «персиков» в пед и

меде полным-полно, многие студентки давно уже не девочки, готовые на все. Главное выбрать по взаимному желанию.

Наверное, и Виталька мог бы претендовать на симпатии раскованных девчонок, но ходить с Гариком на танцы в женские училища никакого фруктового желания застенчивый Атос не проявлял. Программу на лето наметил совсем другую. В основном сидел дома, глотая одну за другой книги, взятые в одной из трех библиотек, где был записан. Вообще говоря, установки закадычных друзей по многим жизненным программам сильно различались. У Гарика на книги времени не хватало. Он почти ежедневно проживал реальную, жизненную историю, взахлеб делясь с Витом лирическими нюансами. При этом стихийная волна эротической заразительности Главного Мушкетера ничуть не колебала прочный камень романтического постоянства Вита. С интересом слушая от Гара описания внешних достоинств очередного «персика», невозмутимый школьный Атос, он же граф де ла Фер, взаимной откровенностью вовсе не отличался. Ни Гарик, ни тем более Никита даже не подозревали о тайной влюбленности Витальки к однокласснице, длящейся уже полтора года.

В одиннадцатом часу солнце уже жарило немилосердно, хотелось поскорее добраться до воды и погрузиться в блаженную прохладу с головой. Мушкетеры решили далеко не ходить, а быстро свернули с основной дороги к ближнему разрезу под названием Узкий. Водоем был очень глубоким, причем в отличие от большинства других разрезов глубина начиналась сразу у берега. Первый шаг по пояс, второй «по шейку». Буквально на третьем шаге купальщик обязан ложиться на воду и плыть, иначе ушел бы в разрез «с головкой».

Как раз после поворота с основной дороги три мушкетера и углядели русалку в розовом сарафане. После несостоявшегося знакомства Гарик огорчился недолго. Подумаешь, цаца! Хороша, конечно, но во фруктовых кладовых их школы, тем более училищ, можно отыскать персик и послаще. Впрочем, в следующую секунду внимание друзей к предмету наблюдений резко подскочило. Легким, свободным движением незнакомка взялась за подол, быстро подняла руки вверх вместе с сарафаном и предстала перед мальчишками практически обнаженной. Узкие полоски светлых плавок и бюстгалтера издали сливались с телом до исчезновения. Замолчав на полуслове, Гарик на рефлекторном автомате снова устремился за «персиком», едва не переходя на бег. Виталька с Никитой тоже слегка ускорились.

Увлекаемые и увлеченные дивным зрелищем юные борщевцы не сразу услышали нарастающий треск. Первым оглянулся Никита, потом его примеру последовал Виталька. Главный любитель «персиков» в приливе новой волны охотничьего азарта оглянуться не успел. Проскочив мимо отставшей пары, вскоре и Гарика обогнал маленький, громкий мотоцикл, по народной кличке «козлик». За рулем сидел длинный, жилистый парень, в котором мушкетеры сразу опознали Андрея Дугина. Шестнадцатилетнего «Дугу» знали все пацаны Борщевска. На своем «Козлике» Андрюха без всяких прав мотался по городу и окрестностям с тринадцати лет. Его отец, полковник Дугин, возглавлял районный военкомат, и на проказы сыночка милиция старалась внимания не обращать. Лихо подкатив к обнаженной натуре, Дуга осадил железного «козла», и троица мушкетеров обзавидовалась. Потому как девушка ловко запрыгнула на пассажирское место, обняла байкера гибкими руками, и парочка покатила с веселым треском дальше.

Будущие восьмиклассники с минуту пребывала в немой паузе.

– Вкусный «персик», но не наш! – посочувствовал Гару первым Вит.

– Против Дуги не поперешь, – философски подытожил неудачную охоту Никита.

Мотоцикл протарахтел недолго и вскоре замолк.

– О, совсем рядом тормознули! – оживился предводитель мушкетеров.

– Не тормознули. У «козла» мотор заглох, – определил Никита. Его отец, владелец мощного «Урала» с люлькой, раньше много лет тоже ездил на «козлике». Никита с первого класса

с большим, пацанским энтузиазмом постоянно помогал батю в техобслуживании семейного средства передвижения.

– Отлично! Пошли, посмотрим, как Дуга с ней загорать будет.

С этими словами д, Артаньян бодро зашагал по дороге. Атос с Портосом потянулись следом. Идти пришлось немного. За близким поворотом направо начинался разрез Узкий. Дорога огибала его по низкому левому берегу, поросшему мягкой зеленой травкой. На травке Дуга уже расстелил старое одеяльце, всегда лежавшее на сиденье его выдавшего виды драндулета. Русалка на глазах тройки мушкетеров постелила на одеяльце свой розовый халатик и улеглась загорать. Одну ногу она вытянула, другую грациозно согнула в колене. Сам Дуга возился неподалеку с мотоциклом.

Правый берег состоял из крутого отвала, усыпанного крупной галькой. На нем сидеть и лежать было совсем неудобно, но Гарика это не смутило: «Зато – какой обзор!»

– Рулим направо, испортим Дуге кайф, – провозгласил неутомимый охотник. У него к Дуге были свои счеты. Этот длинный хмырь вел себя независимо и даже пытался соперничать в плейбойстве с самим Юркой Тимуровым. На танцах в Летнем саду Дуга появлялся обычно с компанией нетрезвых приятелей и вел себя хамовато. Придирчиво и беспардонно разглядывал девушек, выбирая партнершу на танец с последующей прогулкой в отдаленные уголки сада, где не было фонарей. Продвинутые борщевские девчонки – от 15 и старше – обычно ему не отказывали. Но недавно Дуга замахнулся на святое: небрежно пригласил на «медляк» Альбину Шевелеву – красавицу, умницу, одноклассницу и предмет страстного увлечения Капитана Мушкетеров. Нахал, конечно, получил отказ, но через пару танцев направился к Альбине снова. Без слов и поклонов, на глазах всей танцплощадки наглец взял девушку за руку и насильно потащил на танцпол. Альбина упиралась и сопротивлялась, Дуга не отпускал. К счастью, в этот момент на площадке появился припозднившийся Тимуров. Поняв, что происходит, стремительный Юрка через пару секунд оказался рядом, и сильно хлопнул по плечу длинного наглеца.

Дуга тут же отпустил девушку и, сжимая костистый, боевой кулак, резко развернулся. Трое его приятелей – крепких парней – стояли рядом в полной готовности жестоко расправиться с любым недругом Дуги, пусть и с самим Тимуром. На этот раз драки, однако, не случилось. На скамейке в углу площадки сидел и вовремя подросел к танцорам прихрамывающий Вадим Кравец, лучший боксер Борщевска и один из лучших бойцов Забайкалья. Вадика хорошо знала и уважала вся борщевская шпана. К тому же в боевую стенку с хромым чемпионом всегда были готовы встать Валерий Бубенчиков и три его мощных брата – борец, штангист и боксер. Прошлым летом пятеро заезжих отморожков, то ли по незнанию, то ли нагло-показушно попытались уронить авторитет старшего Бубенца. Они напали на двух братьев, Валерку и Костю Бубенчиковых, идущих домой из горсада поздним вечером. В результате один шакал стал инвалидом, другие долго залечивали тяжкие травмы и переломы. Борщевский суд определил действия братьев, как самозащиту, и Бубенчиковых оправдал.

Вадим Кравец, подходя, негромко произнес только два слова.

– Стоять. Брысь.

Несмотря на громкую музыку, все его хорошо слышали. Дугу со всей его кодлой будто ветром сдуло с танцплощадки, а Юрка с Альбиной танцевали весь вечер и выглядели самой красивой парой города.

К разочарованию тройки наблюдателей Дуга повел себя на берегу весьма сдержанно. Прилечь рядом и обнять спутницу даже не пытался. Похоже, что златовласая красавица умела держать нахала на пионерском расстоянии, лихой водила возился с мотоциклом, не приближаясь к девушке. А Русалка, искупавшись у своего берега, немного походила по берегу и снова улеглась – теперь животом вниз – на свой халатик.

Солнце поднималось к зениту, галька сильно раскалилась, и опытные борщевские купальщики отгребли верхние горячие камни, чтобы можно было спокойно сесть или лечь. Впрочем, сидеть пока не хотелось. Сбросив легкую одежду, один за другим мушкетеры быстро спустились к кромке воды. Входили в разрез по-разному. Обстоятельный Портос сделал шаг-другой, аккуратно лег на воду и поплыл. Склонный к театральным эффектам д, Артаньян, не раздумывая, лихо сиганул с берега, но нырок получился не слишком удачный. Тело плюхнулось на зеркало разреза почти плашмя, со скандально-громким шлепком, веселые брызги полетели фонтаном во все стороны. Гарик тут же выскочил на поверхность и быстро поплыл вдоль своего берега к дальнему углу Узкого красивыми саженками, сглаживая впечатление от позорного входа в воду.

– Пузо не отбил, Потап? – громко и насмешливо крикнул Дуга.

– Не бойсь, Дуга, свое пузо береги, – без всякой почтительности откликнулся Гарик.

Почти совсем обнаженная русалка (верхнюю полоску бикини, укладываясь на живот, она спокойно сняла) безмятежно лежала на халатике и никакой реакции на мужскую перепалку не обозначила. Предусмотрительный Атос, дабы не повторять неудачный нырок друга, нашел наиболее пологий спуск их отвала к воде, отошел от кромки на пару метров для разбега. Мысленно Виталька нарисовал траекторию полета в воду «ласточкой», аналогичного отработанному прыжку через гимнастического козла в школьном спортзале. Нужно сильно оттолкнуться, взлетать вперед и вверх, широко раскинув руки – «Ласточка»! Затем, в верхней точке полета, следует быстро развернуться в воздухе – ноги вверх, голова и руки вниз – и войти в воду строго вертикально. Желательно без брызг! Сначала руки, потом голова и прямое туловище. Никакого угла в пояснице! Гарику не удалось набрать нужной высоты, вовремя не смог развернуться в вертикаль, поэтому и плюхнулся пузом.

Виталька любил летать в спортзале «ласточкой» с шестого класса. Часто тренировал прыжок вечерами: спортзал их пятой школы был всегда открыт и доступен. И постепенно школьный Атос сумел стать лучшим исполнителем «ласточек» из трех классов их параллели.

Первый прыжок в Узкий вышел отменный! Все элементы, включая вертикальный вход в воду почти без брызг, получились в точном соответствии с виртуальной прокруткой в голове. Друзья-мушкетеры, правда, его полет не заметили: Никита плыл в одну сторону, Гарик в другую. Зато на другом берегу «ласточка» Витальки имела неожиданный успех.

– О, другое дело! Молоток, Гриб. Учись у друга, Потап! – громко прокомментировал прыжок Витальки длинный байкер, когда ныряльщик выскочил на поверхность. Оценка взрослого парня приятно щекотнула самолюбие исполнителя «ласточки», но следом последовала реакция Русалки, разом затмившая мужскую похвалу. Нет, ни одного слова девушка не произнесла. Она продолжала спокойно лежать на животе головой к разрезу. Но ее тонкие, гибкие руки поднялись над головой, и удачливый Атос услышал три звонких хлопка.

После комментария Дуги, услышали аплодисменты «персика» и друзья-мушкетеры. Гарик быстро приплыл к месту их дислокации, выбрался на берег, где уже лежали на камнях Никита с Виталькой, обратился к другу:

– За что сорвал аплодисмент, Вит?

– Ерунда, Гар, нырнул просто удачно, – скромно отмахнулся последователь Ихтиандра. Фильм «Человек Амфибия», как и все книги фантаста Александра Беляева, Виталька обожал с десяти лет, когда уже начал читать запоем.

– Никита, ты видел?

– Да нет, – бесстрастно ответил Портос, явно приготовившийся вздремнуть после заплыва.

– Покажи, Вит! – потребовал главный мушкетер у друга.

– Запросто, Гар. Просто делаешь все, как учил в спортзале Константин Федорыч, – не стал отказываться Виталька. Он живо поднялся и, не останавливаясь, повторил по своему прежнему маршруту короткий разбег, высокую «ласточку» и вертикальный вход в воду.

– Нормально! – с ноткой зависти оценил Гар. – Но каждый раз ведь так не получится.

И, понизив голос, поделился:

– Пузо у меня до сих пор болит, смотри, не шлепнись, как я.

– Все от толчка зависит, – подал голос и Никита. – Разбег здесь короткий, камни неровные, мостика, как в зале нет, можно и не взлететь. Пузом шмякнуться запросто. Я лично без нырков обойдусь.

После этой рассудительной тирады, массивный мушкетер закрыл глаза, посчитав тему закрытой. Гарик придерживался другой позиции.

– А десять «Ласточек» сможешь выдать? – обратился он к Виту.

– Хоть двадцать! – подзавелся потомок Ихтиандра. И направился к своему месту разбега. Он почему-то чувствовал сейчас в теле необыкновенную, куражную легкость, которая точно не могла подвести. Так и получилось. То ли солнце сегодня было особенное – придавало неутомимую энергетику, то ли какой-то неведомый импульс прилетал от красивой зрительницы на другом берегу, но на каждом прыжке Виталька легко взлетал на нужную высоту и четко разворачивался над водой в эффектную вертикаль стройным, худощавым телом. Однако, новых аплодисментов от Розовой Русалки больше не звучало. После пятнадцати нырков Виталька обратился к Гарику:

– Хватит?

– Хватит, – угрюмо пробурчал вожак мушкетеров. Впервые за их семилетнее знакомство и трехлетнюю дружбу Вит в чем-то спортивном так явно превзошел Гара. Да еще на глазах потрясающего «персика».

Виталька поскакал поочередно на каждой ноге, вытряхивая воду из ушей, и улегся рядом с Гариком. Несколько минут друзья лежали под палящим солнцем. Никита сладко посапывал. Незаметно для себя Виталька тоже задремал, все же пятнадцать нырков отняли немало сил. Сквозь сон он услышал, как Дуга завел мотоцикл, тот потарахтел совсем недолго и замолчал. Виталька открыл один глаз, глянул на другой берег. Оказывается, «козел» на этот раз не сам заглох, его заглушил байкер, доехав до дороги, ведущей к Узкому. Пассажиры на мотоцикле не было. Русалка, спрятавшись в свой розовый халатик от обжигающего солнца, неторопливо двигалась пешком к мотоциклу. Подойдя, она садиться не стала, а что-то сказала Дуге, тот ответил и жестом показал на сиденье. Русалка отрицательно покачала коротко стриженной головкой, что-то опять проговорила. И длинный байкер нехотя слез с «козла», поставил его на подножку и направился в их сторону.

– Видал? – негромко произнес Гарик. – Неужто дура-баба на меня Дугу натравила? Если драться полезет, буди Никиту, и бегом на подмогу. Втроем-то мы его точно сделаем.

Впрочем, опасения оказались напрасны. Не дойдя метров десяти, Дуга громко позвал:

– Гриб, подь сюда, дело есть.

Виталька озадаченно переглянулся с Гариком. Главный Мушкетер с облегчением выдохнул.

– Ну, пойдь, Вит. Узнай, что за дело. Может, Дуга позавидовал, нырять хочет научиться, как ты. После аплодисментов Персика. Я, если что, рядом, не боись.

Виталька поднялся, осторожно ступая по горячей гальке, приблизился к Дуге, остановился за пару метров. Тот подошел вплотную, протянул руку:

– Андрей.

Виталька подал свою:

– Виталий.

– Слушай сюда, Виталька...

Дугин оглянулся на спутницу, та присела на сиденье «козлика» и приветливо помахала участникам «стрелки» рукой.

– Видишь, Анжелка тебе машет. Знаешь эту девчонку?

– Нет, первый раз вижу.

– Ей шестнадцать, на второй курс меда перешла. В школе училась не в Борщевске, ее здесь мало кто знает. Класная девчонка, скажи? Нравится тебе?

– Симпотная, – аккуратно согласился Вит.

– Я так вообще от нее тащусь два месяца. На других вообще не тянет. Сам от себя не ожидал. Живу вообще монахом. Даже материться не могу при ней. Но пока Анжелка все равно близко не подпускает. А ты ей почему-то понравился, Атос Витальевич, прыжками своими и вообще, хрен знает, чем. Тебе четырнадцать-то есть?

– Пока нет. В августе будет.

Дуга внимательно посмотрел на собеседника, едва достающего ему до плеча. На лице байкера читалось откровенное недоумение.

– Короче, Анжела Максимовна передает привет графу де Ла Феру и приглашает тебя на вечеринку. Знаешь, где я живу?

– Дом знаю, – промямлил Виталька, лихорадочно соображая, как реагировать на неожиданное приглашение.

– На втором этаже, седьмая квартира. Подруливай часов в восемь-девять. Родители у меня в отъезде, приедут завтра, хата свободная. Я устраиваю вечеринку, потанцуем. Анжелка сказала, что хочет с тобой потанцевать. То ли меня дразнит, то ли правда.

– Со мной? – удивился Виталька.

– Прикинь, так и заявила: «Хочу с эти мальчиком потанцевать. И поцеловать этого «Грибочка» за красивые прыжки «Ласточкой». Ты целоваться-то умеешь?

Виталька растерянно пробормотал.

– Не знаю. Не пробовал.

– Ну, считай, крупно повезло. Первый раз и с такой девчонкой!.. Что скажешь, Виталий? Что передать?

Виталька растерянно молчал: «Танцевать, целовать...» Мелькнула спасительная мысль.

– А может ей Гарик подойдет? Он точно умеет, ему четырнадцать было в апреле...

– Ты совсем дурак, Гриб? – разозлился вдруг Дуга.

– Как-то это... неожиданно, Андрей, – взял себя в руки граф де Ла Фер. – Извини. Я точно не приду. Привет Анжелке. Мне нравится другая девочка.

– Ну, так и передам! – обрадовался байкер. – Ты, молоток, Виталька, держи пять.

После рукопожатия Дуга развернулся, быстро дошел до мотоцикла, сообщил девушке ответ ныряльщика, и вскоре парочка поплыла на «козлике» в город.

– Ну, что? Что тебе сказал Дуга? – встретил Вита с нетерпеливым интересом Гарик.

– Передал привет от Анжелы. Представляешь, в гости звали с Дугой вечером.

– Да ты что! – изумился главный мушкетер. – Везет тебе! Пойдешь?

– Отказался, – честно признался Виталька.

На следующий день Виталька с братьями ходили за земляникой, вернулись к вечеру. У их дома фланировал Гарик. По его лицу Вит сразу понял, что друга переполняет информация чрезвычайной важности и поспешил к Гару.

– Ну, твое счастье, что не пошел к Дуге с Анжелкой вчера вечером, – сразу заинтриговал загадочный друг.

– А что такое? – не скрыл любопытства вчерашний ныряльщик, сегодня – ягодник.

– Тоже бы влип под раздачу. Ночью папаша врезал Дуге офицерским ремнем.

– Да ты что! С чего вдруг?

Главный мушкетер охотно рассказал другу, как завершился вечер парочки, отдыхавшей вчера на другом берегу Узкого. Подробности долетели по молодежной эстафете до Юрки Тимурова. Капитан мушкетеров позвонил Гарику. Выслушав Гара, поразмышляв о вчерашнем разговоре с Дугой, книгочей Виталий Грибов, он же Атос – граф де Ла Фер, зримо представил, как могли развиваться события на вечеринке у Дуги.

Вечером в квартире Дугиных долго звучала музыка, несколько друзей Дуги и их подружки танцевали, малость выпивали, словом, громко веселились на каникулах.

Соседям это, видно, сильно не нравилось, кто-то капнул по мобиле папаше... В разгар вечеринки неожиданно для шумной компании Дугин-старший досрочно вернулся с дачи. Видимо, проверить, чем занялся сыночек. Полковник тихо открыл дверь своим ключом, увидел, что творится в квартире, вытащил из брюк свой добротный, кожаный ремень, тихо двинулся к Андрюхе. Сынок как раз танцевал с Анжелкой медляк, кайфуя с закрытыми глазами. Мечтал, видно, что в этот вечер недоступная девушка все же позволит хозяину вечеринки себя поцеловать... Тут-то, похоже, батя ему и врезал.

При виде отцовского ремня и его применения гости мгновенно испарились. Музыка как раз закончилась. Андрей в своем кайфе удар не шибко ощутил, принял его, возможно, за чью-то дружескую шутку, быстро оглянулся и... «Здравствуй, папа!» С минуту трое смотрели друг на друга молча. Первой заговорила девушка.

– Добрый вечер, Петр Николаевич. Извините за беспокойство. Мы просто пришли потанцевать. Рада вас видеть. Всего доброго, я ухожу. Спокойной ночи.

Анжела вежливо кивнула на прощание суровому родителю и плавно направилась к выходу. Отец с сыном проводили девушку взглядами...

– Кто такая? Из твоей школы? – строгим, но почему-то не слишком грозным тоном спросил Дугин-старший.

– Из медучилища. Приезжая. Мы правда, папа, потанцевать... – отрапортовал Андрей, смекнув, что основная гроза миновала.

– Ну, так что стоишь. Одной по городу такой красотуле шастать по ночам ни к чему. Беги, провожай и обратно. Быстро!

Дуга рванул из квартиры. Анжела поджидала у подъезда.

– Я почему-то знала, что ты выйдешь. Сам решил или отец отправил?

– И сам хотел, и отец поддержал, ты ему понравилась.

– Он мне тоже. С отцом тебе повезло.

Девушка взяла парня под руку, и парочка бодро зашагала в сторону общежития.

Состоялся ли у Андрея с Анжелой при прощании у общежития первый поцелуй осталось неизвестным ни Гару, ни Виту. Но заядлый книгочей Виталька Грибов, верный Тине П., убедился на примере Дуги, что есть на свете удивительные девушки! Задолго до купания и разговора на Узком наблюдательный Вит замечал, что Дуга стал вести себя и в школе, и на вечерах иначе, чем раньше. Гораздо скромнее. Виталька засек, как Андрей Дугин в день вручения аттестатов подошел к Тимурку, стоявшему с Альбиной в коридоре, что-то сказал обоим. «Похоже, поздравил с ударным финишем школы?»

И точно! – в ответ Юрка протянул и пожал Дуге руку.

Браво незнакомка Анжела! Превратившая Дугу в нормального Андрея. Смягчившая его папу – настоящего полковника! Как хорошо, что такие девушки есть не только в книгах!

1.3 СОЛИСТКА И ГИТАРИСТ

Выглядели «ГНОМЫ» потрясно. Сам Сергей Жуков поверх свободной, красной рубахи, заправленной в фирменные джинсы, надел бордовую жилетку из тонкой кожи. Наряд главного гнома довершала изящная кремовая бабочка, сидящая на мускулистой шее так, словно школьный маэстро с ней родился.

– Ветка, я тащусь! – приветствовал Жуков солистку Иветту. Его семнадцатилетняя одноклассница выглядела вообще феерически. Генка, не скрывая восхищения, скользнул взглядом по гибкой фигуре, плотно обтянутой ярко-розовым, плюшевым комбинезоном. Высокие сапоги кончались гораздо выше колена. На шее Иветты полыхала всеми цветами радуги искусно повязанная косынка. Заметив Генкин взгляд, девушка дружески взлохматила его шевелюру.

– Бобрик, как я тебе?

Ответить Генка как-то не сумел, только поднял вверх большой палец. Да Иветта, собственно, все уже прочла в глазах начинающего музыканта. Скромнее выглядели два других участника группы. Бас-гитарист Андрей Пробкин, которого вся школа звала Гривой за соответствующую прическу, пришел в той же коричневой рубахе, что носил уже несколько дней. Правда, необходимую праздничность долговязому музыканту придавал широкий ярко-красный галстук, вызвавший одобрение маэстро: «Годится».

Совсем иную реакцию вызвал у Жукова ударник Дятлов. Этот угрюмый музыкант явился на осенний бал в своей обычной черной водолазке и в мятых брюках.

– Ты что не слышал, Дятел? Мы же «Гномы» – яркие, праздничные ребята. Мы на дискотеку пришли, народ развлекать, а не «жмурика» провозжать. Не нашел чего посветлее?

– Не нашел, – мрачно отрезал невысокий, жилистый парень с пристальным, немигающим взглядом маленьких, коричневых, тараканьих глаз. Затем привычными движениями, с небрежной ловкостью забрался за ударную установку, взял палочки, умело прошелся дробью по малым барабанам, ногой поставил точку на большом.

– Ладно. После разберемся... все готовы?.. Гена, полшага вперед, не стесняйся, сегодня – твой день!.. Грива, ты, наоборот, отступи... вот так... Антракт кончается, встречаем народ. Начали!

Привычно подчиняясь могучей, творческой воле маэстро, «Гномы» ринулись в музыкальное плавание. Стихия звуков трех электрогитар и нескольких барабанов, сразу приняла стройную, музыкальную форму. Одна за другой менялись дивные мелодии, рожденные незаурядным талантом семнадцатилетнего композитора.

Большая толпа старшеклассников быстро заполняла просторный, спортивный зал, подготовленный для дискотеки, пока в актовом шла официальная часть школьного вечера. Диск-жокеем выступал, как обычно, сам Жуков. После музыкального вступления маэстро произнес слова, которые Генка ждал всю необыкновенно долгую субботу.

– Внимание, дорогие друзья! Милые леди и крутые мены! Минуточку внимания!.. Сегодня группа «Гномы» приготовила для вас два сюрприза. Два приятных сюрприза осенней дискотеки в нашей мировецкой школе. Знакомьтесь! Перед вами мой ученик, ритм-гитарист Геннадий Бобров. Пятнадцать лет! Первое публичное выступление! Многообещающий дебют! Вчерашний «гномик» сегодня становится полноценным гномом. Гена, дай ритм!

Под улюлюканье и приветственный шум зала Генка взял несколько эффектных аккордов, отобранных Жуковым накануне. Слушатели одобрили их бурными аплодисментами, но жокей быстро погасил овацию, подняв руку.

– Отлично! Спасибо, друзья! Вы чувствуете, какой способный парень? Девятый класс. Наша смена! Bravo, bravo! Не красней, Гена. Скромность и талант – основные качества нового гнома. Приветствуем дебютанта – Геннадий Бобров!!!

Хорошо заведенный музыкой и опытным жокеем зал опять грохотнул аплодисментами, свистом и визгами девушек. В ответ на первое в жизни публичное признание Генкино мальчишеское лицо засияло белозубой, восторженной улыбкой. А маэстро уже вел послушную массу дальше.

– Внимание! Еще минуту внимания, леди и джентльмены, дамы и господа! Второй сюрприз от «Гномов», подарок номер два! Следующим номером нашей неисчерпаемой программы прозвучит моя новая мелодия. Наша очаровательная, всем известная солистка Иветта Резцова дает премьеру песни «Я сведу тебя с ума!» Такое простенькое название. Вам нравится?

– Да-а-а! – слились в мощном реве две сотни молодых глоток.

– Сейчас вы ее услышите. Слова и музыка, как обычно, мои, но Иветта сумела стать подлинным соавтором. Она может свести с ума кого угодно, не правда ли? Встречайте лучшую певицу нашей школы – Иветта Резцова!

Вступительные аккорды тонут в рукоплесканиях, криках и свисте. Иветта, эротически протанцевав припев, точно начала мелодию. Зал притих. Песня оказалась на редкость лиричной. Пары слились в долгом, томительном «медляке». И лишь после заключительной, продолжительной ноты нежного и сильного голоса певицы раздались дружные, нарастающие и долго несмолкающие аплодисменты. Маэстро не скрывал авторского удовольствия.

– Спасибо, спасибо!.. спасибо, дорогие друзья! Спасибо, Иветта... бас-гитара Андрей Пробкин... ударные Александр Дятлов... ритм Геннадий Бобров...

– Автор песни, руководитель группы «Гномы», композитор и певец Сергей Жуков! – подала маэстро крупным планом в нужный момент Иветта. Затем она спела еще несколько песен, и по команде маэстро музыканты освободились от инструментов.

– Антракт, всеобщий перекур под звездами! – весело сообщил в свой микрофон басовитый Грива. И сразу живая, танцевальная масса разбилась на множество групп, пар, одиночек. Кое-кто потянулся к выходу. Грива с Дятлом, доставая пачки сигарет, тоже отправились «под звезды» покурить.

С видом полководца, выигрывающего сражение, Жуков стоял посреди эстрады. Танцующей походкой к нему подплыла Иветта.

– Курить не идешь?

Маэстро отрицательно качнул головой и бросил солистке:

– Отлично выдала, Ветка. А как принимали!.. В Японии, крошка, ты стала бы классной гейшей. Миллионеры записывались бы к тебе в длинную очередь.

– Ну тебя, Серенький, скажешь тоже.

– Верняк. Нежный голос, томный взгляд, гибкое тело... Все, что надо, чтобы завлекать, развлекать, всем все обещать и почти ничего не исполнять.

– Тебе-то грех жаловаться, Сереженька, – выдохнула солистка прямо в ухо жокея. – Но, если маэстро против... Встану прямо и все!

– Маэстро не против. Крути всем, что крутится. У тебя есть чем...

Ошеломленный происходящим, Генка стоял на своем месте, совершенно не зная, чем заняться.

– Бобер, по-моему, вообще погиб. Доконала ты его своими вращениями. Кстати, ты знаешь, он парень с квартирой.

– Да-а, – живо отреагировала «гейша». – А мама-папа?

– Отца давно нет. Мать – медсестра. Дежурит днем и ночью. Летом мы пару раз заглядывали. Сейчас Бобер почему-то сопротивляется. Но если ты ласково попросишь...

– Момент!..

Школьная звезда двинулась кошачьей походкой в сторону дебютанта. Увидев ее приближение, Генка, как лунатик, шагнул навстречу.

Иветта подошла вплотную, закинула гибкие руки на шею гитариста, коснулась губами виска ошалевшего мальчишки.

– Ты что... смотрят же все, – с трудом просипел Генка. Его лицо стало одного цвета с ярко-красной рубашкой. К счастью, большого света в зале не было. Уже два года Генка был влюблен в солистку «Гномов», о чем не знала ни любимая мама, не подозревали два близких друга, ни сама Иветта. Два года Генка учился играть на гитаре, мечтая попасть в «Гномы», когда Жуков будет проводить кастинг. И вот бывший ритмач окончил школу в прошлом году, Генка участвовал в конкурсе на его замену и Жуков выбрал именно его!

– Пусть смотрят, – пропела Иветта на ухо. – Это просто моя благодарность тебе.

– За что? – искренне не понял дебютант.

– С тобой петь легко и приятно, – входила солистка в роль гейши.

– Сочиняй! – из последних сил пытался твердо стоять на слабеющих ногах Генка.

– Клянусь, Геночка. Ты замечательный партнер. Грива стоит фонарным столбом, глаза стеклянные. Дятел сидит каменным сфинксом, весь в себе. Маэстро недоступен для простых смертных, витает в небесах искусства. Так что ты, Бобрик, моя главная опора теперь. Гляжу на тебя, вспоминаю, как первый раз на публику вышла, года три назад. Коленки подгибаются, сама себя не слышу. Как ты-то, дебютант?

– Нормально, – едва выговорил девятиклассник. Больше всего ему хотелось сейчас очутиться с Иветтой на необитаемом острове и прожить с ней вдвоем всю оставшуюся жизнь. Певица, однако, вернула парня в действительность.

– Ты следишь за группами? Записи «Параютистов» знаешь?

– Нет, не слышал даже, – честно мотнул головой Генка.

– Их еще мало кто знает. Хочешь, вместе послушаем? У меня есть кассета. Только вот где? На улице уже не климат... Там у них что-то такое...

Иветта напеваает, крутится перед Генкой, качая бедрами.

– Нравится?

Генка вдруг притянул солистку за руку, прошептал ей на ухо: «Завтра вечером... ты можешь завтра?... Мать на дежурство уйдет...».

Довольная гейша поймала мячик на лету, быстро чмокнула его горячую щеку.

– Бобрик, ты просто клад! За мной настоящий поцелуй.

Танцующей походкой Иветта направилась к маэстро. Вскоре в зал вернулись Грива и Дятел, маэстро подал команду, и дискотека понеслась дальше.

Следующий, воскресный день показался Генке не короче премьерной субботы. Перед ним неотрывно стоял вчерашний облик Иветты. Он ощущал прикосновения ее упругой груди, ласковых губ, снова и снова в ушах звучали дивные слова: «За мной настоящий поцелуй». Сегодня она придет одна...

Буквально через пять минут после ухода матери на дежурство раздался звонок. Генка полетел открывать... Первой за дверью стояла Иветта. Но обрадоваться хозяин не успел. За девушкой стояли все остальные гномы.

– Бобрик, салют! – заметив, как застыла и сползла с лица хозяина улыбка, громко заторопилась солистка. – Шла к тебе, как договорились, одна-одинешенька. Вдруг своих встретила, увязались. Не возражаешь?

«Возражаю!» – громко крикнул где-то в мозжечке внутренний голос. Но внять ему Генка не смог. Он шире распахнул дверь, отступил:

– Проходите. Куртки на вешалку.

Гости с трудом уместились в крошечной прихожей. Жуков протянул руку: «Привет, Гена. Мама на дежурство ушла?» Генка машинально кивнул. Волшебный домик, наполненный музыкой, танцами... просуществовал в его воображении меньше суток.

– Мамачка у тебя еще в порядке, – сообщил Грива. И, сдохотнув, добавил:

– Я бы не отказался.

Бас-гитарист весело заржал своей шутке, но его никто не поддержал. Дятел не проронил ни слова, а Жуков жестко посоветовал:

– Закрой пасть, Грива. И вытри хорошенько ноги.

Маэстро показывает пример. Иветта тоже старательно потопталась аккуратными сапожками по дерюжке в прихожей. Грива неуклюже шаркнул пару раз длинными ногами. Дятел обошелся без обувной процедуры. Он деловито прошел в комнату, вынул из сумки две длинные бутылки марочного вина, полбатона колбасы, кусок сыра, батон хлеба, развернул на столе газету. Из заднего кармана джинсов ударник извлек складной нож-лисичку, ловко нарезал крупными ломтями хлеб, колбасу и сыр. Лишь после этого обратился к Генке.

– С тебя стаканы, хозяин.

Музыканты вели себя раскрепощенно. Грива уселся на диван, включил миниатюрный магнитофон. Полилась протяжная мелодия. Жуков взял Иветту за руку, они танцуют, тесно прильнув друг к другу. Совсем, как представлялось бедному Бобрику. Впрочем, взглянув на него, Иветта что-то шепнула партнеру, и маэстро сразу ослабил хватку. Между танцующими возникло пространство, и Генке сразу стало легче дышать.

Убрав лезвие и оттянув перпендикулярно «лисичке» штопор, Дятел умело вскрыл обе бутылки, налил четыре стакана ровно по половинке в каждый. Булькал он не глядя, но уровень на глаз практически не отличался.

– Маэстро, нолито! – провозгласил Грива.

Убедившись, что внимание всех Гномов, включая Генку, приковано к мастерскому наполнению стаканов, Жуков на мгновение опустил руки на ягодицы Иветты, крепко прижал ее к себе, тут же отпустил, и как ни в чем не бывало направился к столу.

– Раз, два, три, четыре... Нас же пятеро, Гена. Почему четыре стакана?

– Больше нет, – сухо отрубил хозяин. И решительно отойдя от стола, Генка уселся на диван, только что освобожденный Гривой.

– Обеднел, Бобер, – сдохотнул жизнерадостный Пробкин. – Притащи хоть какую-нибудь чашку. Он привычным жестом сгреб стакан, почти целиком исчезнувший в крупной лапе. Второй стакан придвинул к себе умелый разливальщик. Жуков медлил, переводя вопросительный взгляд с Иветты на Генку.

– Без меня, Сережа, – сказала вдруг девушка. – Мне сегодня нельзя.

– Вчера было можно, сегодня нельзя. Темнишь, Козочка, – заржал длинный Гном. Жуков попытался закрыть тему:

– Если женщина говорит нельзя, значит, нельзя.

Однако дурашливый музыкант тут же продолжил:

– А если очень хочется?

– Можно. – Без малейшей улыбки мрачно подытожил Дятел.

«Фонарный столб» еще громче заржал. «Сфинкс» оскалился. Маэстро сокрушенно пожал плечами: «Что с них возьмешь» и доброжелательно пригласил.

– Подходи ближе, Гена.

– Я не буду.

Генка пытался говорить низко и твердо, но голос предательски дрожал. «Молодец», – похвалил мозжечок, и Генка заявил почти спокойно.

– Пейте без меня.

Впрочем, гостям не было никакого дела до его переживаний. Грива хохотнул: «Тоже нельзя, Бобер?» Дятел коротко бросил, едва приоткрыв широкий, лягушачий рот:

– Обижаешь, хозяин.

Отдаленная, неясная угроза в интонации Сфинкса явно прозвучала. Иветта быстро взяла один из двух оставшихся стаканов.

– Я начну, Сережа.

– Начни, – согласился Жуков. Он поднял свой стакан.

– Дорогие коллеги! Друзья! – начал маэстро несколько патетически. – Вчера в наши ряды вошел, влился, стал полноправным участником...

– Соучастником, – процедил Дятел, вызвав бурный гогот Гривы.

– Стал полноценным Гномом! – повысил голос главный музыкант. Пробкин замолк, дурашливо ухватив себя свободной пятерней за нижнюю челюсть.

– Геннадий Бобров! – поставил точку Жуков в нужной атмосфере. И продолжил в уже лирическом ключе. – Что я хочу тебе сказать, Гена! Ты способный парень. Отлично освоил гитару. Вчера ты это доказал.

– И душа! У Бобрика чуткая душа! – искренне вставила Иветта.

– Я рад, Гена, – продолжил маэстро, – что не ошибся в тебе. Взял в группу. Одного из десятков претендентов. Довел до выступлений. Мы скоро уйдем...

– Из жизни, – без эмоций обронил Дятел.

– Из школы! Из жизни пусть уходят добровольцы, – небрежно отпарировал Жуков. – Появятся новые гномы. И ты будешь у них лидером, новым маэстро, почему нет. Вполне возможно. Если ты всегда, Гена... во всем... будешь с нами. Сегодня. Завтра. Всегда.

Что-то скрывалось за, вроде бы, такими простыми и лестными словами музыкального авторитета. Но тревога лишь неясно стучалась на уровне мозжечка. Сознание же принимало похвальный тост с большим энтузиазмом.

– За будущего маэстро Геннадия Боброва! – провозгласил Жуков. Стаканы сошлись в середине. Парни быстро осушили до дна. Грива тут же подставил пустой стакан Дятлу, тот налил, и Пробкин повторил, предварительно провозгласив: «За способного Бобра!».

Иветта, чуть пригубив, протянула свой стакан Генке. От девушки хозяин не может его не принять.

– Первый раз, Бобер? – добродушно поинтересовался Грива. – Не торопись. Если не пойдет, ты не все сразу. Оставь на второй заход.

Неожиданно и Сфинкс протянул бутерброд.

– Закуси сразу, Гена.

Левой рукой Генка принимает бутерброд. Правая по-прежнему сжимает стакан, но вверх не поднимается. Компания выжидательно затихла.

– Лей полный, – твердо обратился к ударнику вчерашний дебютант.

Грива весело заржал: «Другое дело. Притворялся, Бобер?» Дятел добавляет вина, Генка продолжает держать стакан неподвижно над столом.

– Полный, говорю!

Со словами: «Наш человек!» невозмутимый Сфинкс доликает доверху.

– Не много, Гена? – тревожится Иветта.

– В самый раз. Для начала, – отрезает Генка. Он чувствует себя свободно и раскрепощенно. Большими глотками, не отрываясь, Генка выпивает стакан до дна. Компания дружно аплодирует. Дятел подает руку, и Генка охотно ее пожимает. Грива заключает «будущего маэстро» в медвежьи объятия, Генка вырывается.

– Иветта!

– Что, Геночка?

– Где твои... «Пару... парашютисты». Будем слушать?

– Обязательно, Геночка. Андрей, поставь, пожалуйста.

Грива быстро находит нужную запись. Звучит темповая музыка. Иветта начинает танцевать, увлекает остальных. Сильно опьяневший хозяин не может держать равновесие. На ровном полу родной комнаты юного гнома кидает, как на небольшом судне в океане при шестибальном шторме. Вскоре Генка тормозит и падает на диван. Глаза слипаются...

Разгулявшимся гномам не до хозяина. Жуков с Дятлом, не чокаясь, потягивают из стаканов вино. Грива облапил Иветту и изображает танец, не двигаясь с места.

– Кончай, Грива! – уловил тонкий слух хозяина протестующий возглас Иветты. Генка с трудом разлепил глаза. В фокусе появилась танцующая пара. Но разве это танец?левой рукой Грива крепко держит прелестную солистку, а правая бесстыдно гуляет по всему телу. Сзади, спереди...

Генка почти протрезвел. Он резко поднимается, подходит и вырывает Иветту из лап Пробкина. Длинный гитарист не согласен. Он угрожающе предупреждает:

– Исчезни, Бобер, не встревай.

– Ша, Грива его сделает, – лениво предполагает Дятел.

– Бобра надо беречь, – осторожно реагирует Жуков.

Генка решительно смахивает с плеча враждебную руку:

– Она хочет танцевать со мной. А с тобой не хочет.

– Правильно, Геночка, – ласково промурлыкала Иветта.

– Энтэ мы еще поглядим, кого она хочет! – Грива крепко ухватился за девушку.

– Она пришла ко мне! – тянет в свою сторону Генка.

– Она пришла с нами. Не буди во мне зверя, Бобер.

Грива поднял вверх мощный кулак, удар предотвратил жесткий окрик Жукова:

– Не заводись, Грива!

Кулак разжался в пятерню, и соперники снова ухватились друг за друга.

– Не трогай мою девушку! – заявил вчерашний дебютант.

Грива схохотнул:

– Ты на кого прешь, киндер? Давно по фейсу не получал?.. Кыш под лавку.

– Сам кыш, – не сдавался Генка. – Ты зачем ее... лапами... в моем доме!

Терпение Пробкина иссякло. Он обхватил Генку, приподнял, донес до дивана, бросил как мешок с картошкой.

– Отдыхай, Бобер... мой дом!.. моя девушка!.. Буржуев мы не любим.

– Не уважаем, – разжал тонкие губы мрачный ударник.

Грива направляется к Иветте: «Продолжим, Козочка».

– Не хочу, – отрезала солистка.

– А мы через не хочу... – снова лапает певицу длинный гитарист. Генка пружинисто вскакивает и громко орет, перекрывая «Парашютистов»:

– Всё! Хватит! Убирайтесь!.. Слышь, Жук? Уходите! Все!

Грива отпускает Иветту, смотрит на Жукова. Невозмутимый Сфинкс медленно поднимается со словами: «Перебрал пацан... успокою». Жуков выключает магнитофон. В резко наступившей тишине звучит его голос:

– Чем ты недоволен, Гена?

– Я сказал, уходите. И Гриву-подонка, вообще... видеть не хочу!

Грива и Дятел надвигаются на Генку. Маэстро буквально орет, не щадя талантливых связок: «Стоять!.. Руки!.. Убрали руки!.. Сели!»

У агрессивной пары включились тормоза. Жуков перешел на спокойный тон:

– Сели, говорю. Быстро... Вот так. Сдурели совсем? Мы же друзья. Одна команда. Ну-ка, настроились...

Маэстро берет Генкину гитару, начинает песню. Первым подхватывает мелодию отходчивый Грива, следом начинает постукивать по столу ладонями укрощенный ритмом Дятел. На припеве вступает Иветта. Несколько минут звучит согревающая, сплывающая, задушевная песня. Жуков написал эту пронзительную мелодию в пятнадцать лет. Он тогда бредил «Битлами», и однажды ночью пришли и стихи, и музыка.

Стихает последний гитарный аккорд. Жуков ласково смотрит на соратников.

– Ну вот, другое дело. Самое время выкурить трубочку дружбы, веселья и любви. Располагаем, Саша?

После общей песни и Дятел бодро отзывается в тон:

– На трубочку наскребем, Сережа.

С этими словами ударник достает из кармана сумки красивую трубку, напоминающую голову Мефистофеля с рожками и бородкой, и небольшой мешочек-кисет. Вынимая по щепотке табак, аккуратно набивает трубку. Внимательнее всех следит за его манипуляциями Иветта. Она даже приговаривала от нетерпения: «Давай, Саша... скорее... все же готово».

Наконец, Сфинкс взял трубку в зубы, чиркнул спичкой, долго раскуривал, зажимая отверстие в голове большим пальцем.

– Сейчас, Бобер, узнаешь в чем радость жизни... исторический момент! – басил Грива. Дятел, сделав несколько полноценных затяжек, протянул трубку Жукову. Маэстро затягивается один раз, передает Иветте. Девушка поспешно, с жадностью курит. Грива длинной рукой вынимает голову черта из ярких, красиво черченных губ. От него Мефистофель попадает опять к ударнику. Потом маэстро, выпустив дым пару раз, вдруг предлагает Генке, молча следящему за процессом «дружбы, веселья и любви»:

– Попробуешь, Гена?

Он дружелюбно тянет руку в сторону хозяина. Генка, однако, упрямо набычившись, мотает головой: «Не курю... и не буду».

Грива весело реагирует:

– Молоток, Бобер! Нам больше достанется.

Музыканты курят по очереди, игнорируя Иветту... Девушка жалобно хнычет: «Моя же очередь». Ударник что-то негромко говорит ей на ухо. Девушка, чуть поколебавшись, кивает и сразу получает Мефистофеля. После нескольких затяжек, она подсаживается к Генке.

– Ну, что пристали к Бобрику... Он такой хороший... не понимает пока кайфа... я тебя научу, малыш. Сначала я... теперь ты... немножко, не бойся, чуть-чуть... вот так... снова я... теперь ты... Тебе приятно? Отдыхай.

Она кладет голову разомлевшего Генки себе на грудь, поглаживает его волосы свободной рукой.

– Сейчас у тебя закружится голова... Сладкое такое головокружение.

Грива подходит к парочке, забирает трубку, возвращается к столу. Троица курит по кругу... Иветта что-то шепчет на ухо Генке, гладит его рукой по щеке, потом жадно целует в губы.

– Ох и вмазал бы я Бобру сейчас, – мечтательно басит Пробкин.

– По разочку надо. Для профилактики, – поддержал Дятел.

– Охренели оба. Зима на носу. Где нас еще примут? На Бобра молиться надо, пылинки сдувать, – гасит их агрессивность Жуков.

Грива меняет тон и начинает комментировать поведение Иветты.

– Глянь, Санек! Она его скоро всего облизет. Да и Бобер уже в полной боевой, Козочка. Проверь, выросла морковка? Вино! Травка! Женщина! У Бобра сегодня полный кайф, сексуальная революция!

Генка услышал, отстраняет Иветту, с трудом поднимается, подходит к столу.

– Жуков... Серега!.. Ты скажи... ты мне скажи... тебе я верю. Что вы тут курите? Какой-то странный запах, и в голове туман, цветной такой туман...

– Завтра, Гена. Завтра поговорим, – серьезно отвечает Жуков.

– Мы уйдем через десять минут, Бобер. Засекай, – произносит Дятел

Генка громко протестует и достает телефон.

– Не успеешь, Бобер, – зловеще предупреждает Дятел.

– Пока биографию расскажешь... мы же ис тебя котлету сделаем, – поясничает Грива.

Ситуация выходит из-под контроля. В последний момент Жуков опять щелкнул руководящим бичом.

– Харе! Застыли!.. Уходим. Сразу. Спасибо за гостеприимство, Гена. Все на выход. Грива!.. Дятел!.. Ветка, покажи пример.

Иветта хватается куртку, выскакивает на площадку. Гномы молча выходят следом. Жуков подошел к Генке, положил руку на плечо.

– Не переживай, Гена. Завтра в шестнадцать репетиция. Без опозданий.

Спортивной, пружинистой походкой он идет к выходу. Надевая замшевую куртку с множеством карманов, молний, кнопок, слышит громкий оклик:

– Жуков!

– Да, Гена, – мягко отозвался маэстро.

– Скажи мне, Иветта... Давно она курит... это?

– С прошлого года, – охотно пояснил главный гном. – Как видишь, цветущая крошка... Не робей, Гена... Ты мечтаешь об Иветте? Могу прислать девочку.

– Почему ты распоряжаешься? У тебя с ней уже было?

– Не только у меня. В этом Грива прав: ее на всех хватает.

– Врешь! – снова взвился Генка. – Она хорошая, а вы все дерьмо.

Жуков несколько раз сжал пальцы в кулак.

– Кому грубишь, детка... Ладно. Сегодня прощаю... Отдыхай. Проветри, как следует. И молчок. Маму волновать не надо. Ты понял?

Вместо ответа Генка вдруг заплакал. Дрожащим голосом он с трудом произнес: «Про Иветту... я все равно... не поверю».

Жуков засмеялся и вышел. Генка добрался до дивана, улегся, не раздеваясь, и почти сразу заснул тяжелым, глубоким сном.

На следующий день, уйдя без разрешения маэстро с репетиции, Иветта отправилась, куда глаза глядят. Внутри у нее все клокотало, внешний мир она почти не замечала. Дорогу девушка переходила, вовсе не заботясь о подходящем сигнале светофора. К счастью, машин в этот час в их тихом районе бегало мало.

Ноги сами собой привели солистку к дому Генки. Иветта вошла в подъезд, быстро поднялась пешком на четвертый этаж. Вот и знакомая, обитая дешевеньким дерматином дверь. Она протянула руку к звонку, но... чуткий слух уловил голоса. Генкин звучал односложно. В основном звучали монологи матери. Иветта медленно сошла по лестнице вниз. Села в скверике напротив дома, глядя на дверь подъезда. В лицо Полину Викторовну девушка не видела ни разу, но почему-то сразу узнала мать Генки... Крепкие, далеко не новые туфли на толстом каблуке, поношенное пальто, смешной берет, модный лет двадцать назад... Проводив женщину взглядом, Иветта вновь поднялась к той же двери и, не колеблясь, нажала кнопку. Раз, другой... за дверью стояла полная тишина.

– Гена... Бобрик... не бойся, я одна... Гена! Я знаю, что ты дома...

Иветта быстро впорхнула в открывшуюся дверь и обняла хозяина. Генка стоял неподвижно, не отвечая на объятия, но и не отталкивая девушку.

– Прости меня, Геночка, – прошептала, наконец, Иветта. – Ты меня не ждал?

– Нет, – честно ответил Генка.

– Меня совсем совесть замучила. Никак не ожидала, что так получится.

– Ладно, переживем, – окреп голос молодого гнома.

– Ночь почти не спала, весь день хожу не в своей тарелке, – продолжала исповедоваться

Иветта. – С репетиции сбежала... Нагорело тебе от мамы, да?

– Проснулся на третьем уроке, – почти весело сообщил хозяин. – Мать, понятное дело, высказалась.

– Ты хоть помнишь вчерашнее?

– Смутно, – сознался Генка.

– Идем, посиди со мной... ну их всех к черту... давай забудем обо всем... ты такой замечательный, Бобрик...

Девушка ведет робкого хозяина в комнату к дивану, гладит свободной рукой по щеке, ждет поцелуй... Но из уст окаменевшего паренька вылетает стопудовый вопрос:

– Ты правда – целый год куришь травку?

Иветта замерла на миг, отодвинулась немного, вздохнула:

– Если бы только курила... Не рада теперь, Бобрик, да никуда не денешься. Я на игле давно. Смотри...

Девушка быстро снимает через голову плотную водолазку, вытягивает вперед левую руку ладонью вверх, и Генка с ужасом видит множество разноцветных синяков-кровоподтеков от кисти до локтя.

– Знаешь, какая это отравка, волю парализует начисто... не поддавайся, Гена. Никаких трубок, никаких колес, а уколы вообще не вздумай! Привыкнуть проще «чижика-пыжика». Ты мне обещаешь?

– Я уже себе обещал. И тебе обещаю, – серьезно ответил Генка.

– Ну и чудненько. Молодчина, Бобрик... Мне бы еще за себя взяться. Как думаешь, смогу?

– Обязательно сможешь, Иветта.

– Спасибо, конечно. Почему ты так уверен?

– Потому что люблю тебя! – спонтанно вылетело у Генки. – Уже два года.

Иветта посмотрела на дебютанта «Гномов» каким-то новым, испытующим, серьезным взглядом.

– Даже так, Гена. Два года это срок... Я попытаюсь. С чего вот только начать?..

– Я тебе пообещал. А ты пообещай мне.

Иветта надела водолазку.

– Хорошо, Гена, я попробую. Может быть ты, правда, мое спасение. Ты мне тоже нравишься, хотя еще совсем еще мальчишка.

– Не совсем. Я все лето работал – курьером, почту разносил, продукты доставлял.

– Какой молодец!.. Я же обещала тебе настоящий поцелуй...

Они встали с дивана, обнялись. И поцелуев, нежных и страстных – первых в жизни юного гитариста – состоялось немало.

Когда они прощались в прихожей, Генка, глядя на упакованную в брюки и куртку красивую девушку, с трудом верил в произошедшее. Может, ничего и не было?

Иветта аккуратно прикоснулась губами к его губам:

– Когда теперь мама дежурит?

– В четверг, кажется... ты придешь? – засиял хозяин.

– Прилечу, Геночка, – улыбнулась девушка, и тут же вздохнула: – Дожить бы только.

Последнюю фразу счастливый гитарист не очень понял, но переспросить не успел: Иветта уже выскользнула за дверь...

Глава 2. ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД

2.1 ПОДАРОК НА 18 ЛЕТ

Математику в аудитории, где Глеб Рябов сдавал устный экзамен, поступая в Московский университет, принимали две миловидные дамы среднего возраста. Кажется, высокий, белокурый и слегка кудрявый красавчик-забайкалец произвел на женщин впечатление не только знаниями. На билет Глеб ответил достаточно уверенно, а дополнительные вопросы дамы задавали ему на уровне теоремы Пифагора. В итоге с улыбкой поставили пять баллов и пожелали счастливого студенчества. На следующий день Рябов увидел свою фамилию в списке поступивших на экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Новорожденный студент тут же отбил две коротких телеграммы: «Поступил!» – домой в Нерчинск и Пашке в Таллин, куда после «учебки» младший сержант Павел Рябов с месяц назад прибыл с Дальнего Востока для прохождения дальнейшей службы.

Вскоре, вслед за телеграммой и сам Глеб отправился к брату. Для забайкальца ехать поездом меньше суток – не расстояние! В Ленинграде в их купе подседа симпатичная, быстроглазая девушка, поразившая молодого путешественника разноцветными прядями роскошных волос до плеч. Галантный сибиряк забросил немаленький чемодан попутчицы на третью полку, после чего девушка запросто предложила:

– Пойдем перекурим, – и, не дожидаясь ответа, раскованной походкой двинулась в тамбур. Посмотрев вслед на стройную фигурку в мини-юбке, некурящий с туалетной рвотной попытки студент отправился следом. В тамбуре девушка протянула руку.

– Галя.

– Глеб, – слегка задержал кавалер маленькую, но твердую ручку попутчицы.

– Бери, – протянула Галя левой рукой пачку сигарет. Правую руку освободить не торопилась. Увидев колебания нового знакомого, девушка удивленно раскрыла большие, блестящие глаза.

– Неужто не куришь?

– Не курю, – стеснительно пожал плечами неопытный кавалер.

– Ты смотри... первый раз такого вижу... в моей питерской компании все дымят напраую. Ну, тогда хоть спичку зажги.

Девушка протянула коробок со спичками. Затянулась.

– Ты откуда такой правильный? Москвич?

– Да, как сказать... из Москвы еду. К брату в Таллин, он там служит. А вообще-то мы сибиряки с ним, из Забайкалья.

Слово за слово. Легко и просто знакомиться в юности молодым людям без комплексов, вроде прелестной ленинградки Гали и обаятельного сибиряка Глеба.

Из поезда на перрон Таллина вышли вместе. Глеб нес чемодан спутницы. По ходу Галя заботливо поинтересовалась.

– Ты как, студент? Куда двинешь? Сразу к брату в часть? Знаешь, как добираться?

– Да нет, его в увольнение только завтра отпускают. Договорились в парке Кадриорг встретиться. Завтра в 12 часов у входа.

Девушка остановилась. Закурила сигарету. Глеб поставил чемодан на перрон, рядом свою небольшую дорожную сумку.

– Где ж ты будешь кантоваться, сибиряк с печки бряк? Знакомые в Таллине есть?

– Да нет. Ночь на вокзале перекантуюсь, до вечера по городу прошвырнусь.

Галя с минутку раздумывала. Потом скомандовала.

– Ладно, бери чемодан, к тетке моей поедем, авось не выгонит. Ночевать лучше в кровати.

– Да как-то неудобно...

– Неудобно штаны через голову надевать, – решительно заявила разноцветная попутчица и двинулась к автобусу. Глеб, прихватив почти пудовый чемодан, поспешил за предводительницей. Тетка встретила неожиданного гостя вполне радушно. Услышав представление племянницы, дородная хозяйка не скрыла удивленного восхищения.

– Прямо в МГУ поступил? К самому Ломоносову?! Ай-да, молодец сибиряк! Первый раз такого студента вижу. Проходи, не тушуйся. Наша Галка знает, кого можно приводить.

На следующий день после вкусного и обильного домашнего завтрака молодые попутчики долго гуляли по роскошному Кадрiorгу. От буйной зелени и взаимного притяжения кружилась голова. Сдерживать и преодолевать сумасшедшее взаимное притяжение парочка и не пыталась, начав целоваться на первой же укромной скамейке. Романтичная прогулка продолжалась почти до 12 часов. Мимо их очередной скамейки проходил мальчишка в аккуратных штанах-шортах на подтяжках – запад! – лет тринадцати. Далеко пацан не ушел, а развернулся и пошел обратно мимо интересной для него скамейки. Глеб краем глаза засек его маневры, окликнул «подтяжки» и протянул фотоаппарат:

– Можешь нас сфотографировать?

Вихрастый гражданин Эстонии вежливо выполнил просьбу. Принимая, верный «ФЭД-2» обратно, Глеб пожал руку юному аборигену и дружелюбно поинтересовался:

– Как думаешь, парень, давно мы с этой девушкой знакомы?

Мальчишка ответил, не раздумывая, с твердым прибалтийским акцентом.

– Ну-да, давно. Я думаю, что, наверное, с первого класса. Может быть, с пятого?

Галя рассмеялась, Глеб еще раз подал фотографу в подтяжках руку на прощанье: «Правильно думаешь, парень. Молодец!».

Перед уходом к тетке на обед Галя поцеловала его особенно нежно и строго спросила.

– Дорогу помнишь? Трамвай, остановку и адрес тетки? Повтори.

Глеб повторил, что очень пригодилось, потому как благополучного возвращения в гостеприимный дом тетки не получилось. Через полчаса студент и солдат нашлись у ворот Кадрiorга, как договаривались. Не виделись братья уже целый год. Обнялись. Пашке катилось к двадцати. Солдатская форма с двумя лычками на погонах безукоризненно сидела на его атлетической фигуре. Через час братья, сидя на укромной скамейке, отметили встречу под три коротких тоста: первый – за восемнадцатилетие Глеба; второй – за поступление на мехмат; третий – за родной отчий дом в городе детства. За три приема они лихо осушили бутылку ликера «Старый Таллин». Темный, тягучий напиток оказался приятным и обманчиво-легким на вкус при 45 градусах на этикетке. Расставались на остановке трамвая довольно бодро.

Сев на удобное место, Глеб отрубился под укачивающий ход трамвая довольно быстро, проснулся от вежливых похлопываний случайных попутчиков с вопросом: «Парень! Остановку свою не проспичь? Куда едешь-то?» С трудом ворочая языком, кудрявый сибиряк пробормотал адрес Галиной тетки... Открыл глаза рано утром в знакомой постели. Галя сидела рядом на стуле.

– Ну, ты даешь, студент! Тебя два эстонских парня под ручки доставили, мне на руки сдали, – сообщила с улыбкой неунывающая Галка. Увидев, как Глеб беспокойно приподнялся и смотрит по сторонам, добавила.

– Не бойсь, тетушка поехала к подруге на помощь, будут готовить праздничный ужин. Там тоже кто-то сегодня родился. Вернется поздно вечером. Вставай, сибиряк, выходи на свежий воздух, туалет и умывальник во дворе, как вчера. Щетку захвати. Пописай, умойся, зубы почисти и возвращайся. У меня для тебя есть подарок на твои восемнадцать.

Когда минут через десять Глеб вернулся, девушка лежала на его кровати под простыней. Потом откинула легкую ткань, позвала: «Принимай подарок, студент...»

Так, благодаря прелестной питерской девчонки, у московского студента из Забайкалья в столице советской Эстонии началась мужская жизнь... После обеда они поехали на вокзал к поезду Таллин-Москва. Галка почему-то всю дорогу молчала. Уже на перроне, после его просьбы назвать ленинградский адрес: «Я тебе фотку из Кадриорга пришлю», девушка остановилась, посмотрела спутнику в глаза грустным взглядом, вздохнула.

– Нет, Глеб, искать меня не надо. И Кадриорг оставь себе. Продолжения у нас с тобой не будет.

– Почему? Из Москвы до Питера всего ночь пути. Я могу к тебе или ты ко мне...

– Потому, – мягко и грустно пресекла его прелестная юная наставница. Прильнула на секунду, отстранилась, опять посмотрела прямо в глаза. – Ты мне очень нравишься, забайкальский москвич, но обманывать никого не хочу. У меня жених есть.

– Жених?

– Да. Взрослый парень, скоро 30 лет, крутой немерено, в тюрьме побывал. Живу, дура, с ним уже полгода... Он меня в первый вечер знакомства женщиной сделал, пикнуть не успела. Обещает жениться, когда мне восемнадцать исполнится.

Галя помолчала, смахнула непрошеную слезу, улыбнулась, поднявшись на цыпочки, прикоснулась губами к губам Глеба, отодвинулась.

– Но встречу нашу, Кадриорг этот волшебный, и сегодняшнее утро буду помнить всю жизнь. А ты?

– Тоже, конечно – с трудом, проглотив комок, вымолвил «умный студент».

– Вот и замечательно. Будем просто помнить друг друга, да? Мне никогда не было так хорошо, как с тобой. Будто, правда, знаемся с первого класса. Какой смешной мальчишка нас фотографировал. Обними меня на прощанье.

Они долго стояли, обнявшись. За минуту до отправления поезда девушка оторвалась, погладила его по щеке. Улыбнулась. В глазах опять заблестели слезы.

– Все. Беги. А то я разревусь.

Она долго махала рукой вслед, оно стоял у окна, пока было видно ее все уменьшающуюся фигурку...

2.2 ЦВЕЛА СИРЕНЬ

*«...На то она и первая любовь,
Что б мы ее всю жизнь не забывали».*

Студенческая песенка

Все началось с неизбежностью прихода весны. Хотя 31 мая весна как раз заканчивалась. И именно тот далекий – ясный, теплый вечер тридцать первого мая – вечер, напоенный густым, пьянящим запахом поздно цветущей роскошной сирени, выражаясь высоким поэтическим слогом, навсегда остался в сердце первокурсника мехмата МГУ «вечером первой встречи». Кстати, о стихах. Где-то через месяц после романтического знакомства, Дмитрий Бибииков впервые писал стихи, а точнее банальнейшие строки, казавшиеся в восемнадцать лет неопровержимо точным и полным выражением сумасшедшей, юношеской влюбленности. Вот что осталось в давно пожелтевшем, мятом блокноте:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.